

[Персоналии](#)
[История](#)
[Святыни](#)
[Храмы](#)
[Издания](#)
[Миссия](#)
[Семинария](#)
[Календарь](#)
[Интернет](#)

[В начало](#)

Слыша Башлачева (христианские мотивы в творчестве рок-музыканта)

Культура, как заметил священник Павел Флоренский, тесно связана с культом. Культура не может быть бескультовой. Культура есть форма, или, точнее, оформление культа, а потому говорить о культуре не заглядывая в культовые корни из которых она растет, невозможно.

Русскую рок-культуру надо однако отличать от Западной рок-культуры, от которой она может быть и зависит исторически и хронологически, но отнюдь не семантически (по смыслу). Попав на почву Святой Руси она дала иной цвет и иной плод. Хочу сразу оговориться, что я не имею в виду тех, кто попал на русскую почву не стали русскими (или, по отношению к культуре, то что попало на русскую почву), не приобрели самобытность, они остались Западными не только по форме, но и по смыслу.

Но какой смысл несет русская культура? Какая мысль делает сердце русским? Конечно мысль о Боге. Русскую культуру можно назвать культурой богомысленной. Еще Ф.М. Достоевский в "Братьях Карамазовых" говорил о русских мальчиках, у которых все сводится к вопросу о Боге.

Одним из наиболее ярких и самобытных поэтов культуры андеграунда является Александр Башлачев ([см. биографию](#)). За основу анализа я возьму именно его произведения. Творчество, как и жизненный путь Башлачева, противоречиво, но противоречие это не надуманно. Башлачев правдив в своем творчестве. Он отражает живую душу, точнее обнажает ее, во всех противоречиях. В своем творчестве он экзистенциалист. Башлачев, это Достоевский в поэзии. Его творчество, это боль русской души, и эта боль любящего сердца. Его творчество религиозно, и не просто религиозно, а религиозно по-русски. Это жажда Бога. На Святой Руси это особое чувство, чувство богооставленности. То чувство, которое Христос испытал на Кресте, когда возопил громким голосом: "Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил." Это сходство жаждущей Бога души и Христа, Которому в пищу дали желчь и напоили в жажде уксусом (Пс. 69, 22 ср. Ин. 19, 28-30) неслучайно. Ибо еще Тертуллиан отметил, что "душа по природе христианка". В этом контексте поэзия Башлачева может, и должна быть, названа христианской. Поэзия Башлачева это крик боли, это стон души. Башлачев это распятый поэт.

"Имя Имен возьмет да продрает с песочком!
Разом пойдем как болела живая душа".
(**"Имя Имен"**).

Русская культура андеграунда, культура подполья,

это "время колокольчиков". Она возникает тогда, когда уже "купола растеряли золото. Звонари по миру склоняются. Колокола сбиты и расколоты". Оно вынуждено тем, что "нам не отлили колокол". "Колокольчики" культуры андеграунда являются теми, кто пытается донести то, что до конца может выразить только "Царь Колокол". Но во время т.н. "заморозков" ему крепко отморозило язык, однако "для слова Божия нет уз" (2 Тим. 2, 9).

Но с каждым днем времена меняются
Купола растеряли золото.
Звонари по миру склоняются.
Колокола сбиты и расколоты.
Что ж теперь ходим круг да около
На своем поле, как подпольщики?
Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь время колокольчиков.

Творчество Башлачева (что в какой-то мере можно сказать и о русской культуре андеграунда в целом) становится тем, что делает попытку (и иногда удачную) возместить нехватку Слова; Башлачев пытается высказать Его своим языком "колокольчиков". И этот звон идет не со струн гитары, а из исполненного болью сердца.

Ты звени сердце под рубашкою.
Второпях - врассыпную вороны.
Эй! выводи коренных с пристяжкой
И рванем на четыре стороны.
(Время колокольчиков)

Та страна, что спала на подъем тяжела.
Но кое-как запрягла. И вон - пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.
(Посошок)

Образ одинокой бабы, вдовы в творчестве Башлачева, это образ России, потерявшей Бога, ее "Кормильца", не могущей накормить своих детей любовью. Но потерявши "Кормильца", она не ищет Его. Ее скорби превратились в "Вечный пост". И Сашины песни стали для многих черными сухарями. Которые во время жажды Слова (Божия) многим не дали умереть с голода, возвращая их взор к своей духовной жизни. Но целиком он не был осмыслен и принят широкой публикой, ибо пел не "на злобу дня", а "на злобу вечности". И он, обращаясь к Господу за помощью и поддержкой, говорит:

"Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!
Я пойду смотреть, как Твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь.
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь!
Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей черные сухари.
Раскрошу да брошу до самых звезд.
Гори-гори ясно! Гори...
По Руси, по матушке - Вечный пост.
(Вечный пост).

Тема коллизии (непримиримого противоречия) реального и идеального ярко выражена в творчестве Башлачева. Это противоречие есть отражение противоречивости жизненной. В бытовом христианстве Христа подчас и не разглядеть. Видна лишь внешность, человеку стоящему за стенами церкви, и внутреннюю таинственную жизнь созерцать он не может. Свет Христов в то время так же был загнан, если можно так выразиться, в андеграунд (под пол), а потому и в церкви были сумерки.

"В церкви смрад и полумрак
Дьяки курят ладан.
Нет. И в церкви все ни так;
Все ни так как надо".
(В.С. Высоцкий).

В христианстве не видно Христовой святости, если ее нет в тебе самом. В этом контексте понятны слова, выражающие противоречие того, чем должно быть христианство и чем мы его видим: "Православная быль, ориентиры на свет - соляные столбы". (Янка Дягилева). Церковь, не имеющая возможность открыто проповедывать (т.к. религиозная "пропаганда" запрещалась), оказалась немой, и это молчание расценивалось как предательство (ведь "молчанием предается Бог"). Но, хотя большие вещи можно разглядеть только на расстоянии, Церковь не вещь, Церковь есть Тело Христово, босыми ногами идущая на Голгофу. Церковь можно увидеть только изнутри, из глубины опыта собственного сердца. Однако жизнь "церковной организации" видна, т.к. является аспектом земной реальности. "Колокольчики" неодобрительно звенели в сторону этой организации, они уже не видят в ней живого организма, т.к. проявления жизни связаны во мраке тишины. Но в этом мраке не спрятать, не скрыть Христа.

Имя имен - называет Христа Башлачев. Апостол Павел говорит: "Посему и Бог превознес Его и дал Ему *Имя паче всякого имени*, дабы перед Именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и *всяк язык исповедал*, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца". (Фил. 2, 9-11).

Имя Имен
не кроит по полам , не тащить по котлам,
не стемнить по углам.

Имя Имен
не урвешь, не заманишь, не съешь, не ухватишь
в охапку.

Имя Имен взято ветром и передано колоколам.
И куполам
не накинуть на Имя Имен золотую горящую шапку.
(Имя Имен).

А шапка, как известно, на воре горит.

"В церкву едут по утру
Все интеллигенты.
Были - к диакону, к попу ли,
Интересовались.
Сине Небо в низ тянули.
ТЬфу ты! Надорвались."
(Ванюша).

У Башлачева нет примирения между "Сине Небо в низ тянули" и "Небо в поклон до земли обратим тебе, юная девица, Маша!" (Имя Имен). Он в своем творчестве отвергает общество, но не общину. И Вечный пост (на Руси) для него кончается словами: "Небо - с общину. Все Небо - с общину. Мы празднуем первый гром!" (Вечный пост). Но не лестные слова в сторону церковной организации не надо понимать узко буквально и рассматривать творчество Башлачева, в этом плане, как критику реальной "Церкви Земной", и данные места как нападки на нее, ведь Башлачев не реалист, а символист. Он не критиковал ни "церковную организацию", ни строй ("ведь сам я не в строю" - говорит он (случай в Сибири)). Башлачев поэт, а не социальный критик. И понимать его так равносильно, что считать предателем.

"Я встал и песне подвязал оборванные крылья.
И спел свою, сказав себе: Держись! - играя кулаками
А он сосал из меня жизнь глазами-слизнями.
Хвалил он: - Ловко врезал ты по ихней красной дате.

И начал вкручивать болты про то что я - предатель.
Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел, за то, что он так понял.
Что смог дорисовать рога, что смог дорисовать рога

Он на моей иконе.

.....

Не говорил ему за строй. Ведь сам я - не в строю.
Да строй - не строй. Ты только строй.

А не умеешь строить - пой.
А не поешь - тогда не плюй.
Я - не герой. Ты - не слепой.
Возьми страну свою."
(Случай в Сибири).

Тема любви у Башлачева всегда граничит с болью

(Вспомним преподобного авву Иссаию, который верхом добродетели ставит любовь и говорит, что "тогда познает человек, как он далек от Бога"). У Башлачева "горлом идет любовь" (Все от винта!), и эта любовь вымолена стихами. На границе жизни и смерти он говорит часовому:

- Отпусти мне грехи! я не помню молитв
Если хочешь - стихами грехи замолю
Объясни - Я люблю от того что болит
Или это болит оттого что люблю?
(Посошок).

"Вечный пост умойся в моей любви"
(Вечный пост).

"И просишь языком молоть - молю.
Молю о том, что все в твоих ручьях
Пусть будет так!
Пусть будет так!
Пусть будет так, как я люблю!
(Когда мы вместе).

А я разгадан своей тетрадкой
Эх, топором меня в рот рубите
И вот так вот прижмет рогаткой
И любить или не любить.
(В чистом поле дожди).

Но особо звенит о Пасхальной Весне колокольчик Башлачева на ветру верной любви в строках произведения названного "Тесто" - которое есть не допеченное Тело Христово. Вопрос о любви возникает у человека тогда:

Когда злая стужа сведужила душу
И люта метель отметелила тело,
Когда опустела казна,
И сны на изнанку, и пах на распашку
Да дыши во весь дух и тяни там, где тяжело -
Ворвется в затяжку весна.

Дыхание духовное начинает отогревать примерзшее к земле человеческое сердце, оно по-весеннему, по-Пасхальному пробуждает, воскрешает его. "Все вести - весною" - звучит как Пасхальный благовест (благая весть в греческом - *Ευαγγέλιον* - Евангелие). И эта весть о Любви в воплотившемся Слове.

Зима жмет земное. Все вести - весною.
Секундой - по векам, по пыльным сусекам
Хмельной ветер верной Любви.
Тут дело не ново - словить это Слово -
Ты снова, и снова, и снова лови.
Тут дело простое - нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви.

Это Божие Слово говорит о любви ко всем ближним (даже к врагам). Вот тут-то и возникает вопрос:

Да как же любить их - таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых,
Ну ладно там, друга, начальство, коллегу,
Ну ладно, случайно утешить калеку -

Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу - чужих, неизвестных,
Да как - как подругу? как дочь? как невесту?
Да как же, позвольте спросить?

И на вопрос дается ответ: через покаяние. Покаяние, которое ведет к глубокому смирению; смирению в своей глубокой высоте достигающему до Неба. Для встречи с Богом нужно взойти на высоту, путь вверх, в Небо, пролетев через Голгофу самоотречения. Там, на Кресте, Слово в человечестве раскинуло руки "то ли для объятия, то ли для распятия" (Ванюша). Именно с тех пор крест это не орудие казни, "высшая мера" наказания, это символ Божественной Любви, любви до самоотречения.

Тут дело простое - найти себе место
Повыше, покруче. Пролить темну тучу
До капли грозою - горючей слезою -
Глянь, Небо какое!

"Чистые сердцем узрят" Небо (Мф. 5, 8). Только выплакавшие покаяние в своем сердце черные тучи грехов, закрывающие нам Свет Небесный, и явившие совершенство смирения в вере и любви, чистыми от всякой скверны руками коснутся Небес. Перед величайшим смирением сами Небеса склоняются до земли. "Небо в поклон обратим тебе, юная девица Маша" (Имя Имен). "Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет мне по слову твоему" (Лк. 1, 38). Только Пречистая могла своими руками замесить это Тесто.

Собрать с неба звезды Пречистой рукою,
Смолоть их мукою
И тесто для всех замесить.

Но принятие Христа предполагает "месиво" и своего собственного тела. Путь христианина - следовать за Христом, это путь личной Голгофы ("З-лобное место"). Это аскетическая аксиома - закон духовного роста: "страдающий плотью перестает грешить" (1 Пет. 4, 1). Для поэта это служение словом должно стать служением Слову.

А дальше - известно. Меси свое тесто
Да неси свое тесто на злобное место -
Пускай подрастет на вожжах.
Сухими дровами - своими словами
Своими словами держи в печке пламя,
Да дракой, да поркой -
Чтоб мякиш стал коркой -
Краюхой на острых ножах.
И вот когда с пылу, и вот когда с жару -
Да где брал он силы, когда убежал он?! -

По горной дороге и малой тропинке
Раскатится крик Колобка.

Проведем Библейскую параллель: "В шестом же часу настала тьма по всей земле, и продолжалась до часа девятого. В девятом часу возопил Иисус громким голосом: "Элои! Элои! ламма савахфани!", что значит: "Боже Мой! Боже Мой! для чего ты Меня оставил!... возгласив громко, испустил дух. И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу. Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий" (Мк. 15, 33-39).

Но пещера гробовая стала источником жизни вечной. В самый апогей Ночи, когда тьма хоть глаз коли, хоть "оба", совершилась Пасха Божественной Любви

На самом краю, у большого оврага,
У самого гроба казенной утробы
Как пара парного, горячего слова
Гляди, не гляди - не заметите оба -
Подхватит любовь и успеет во благо,
Во благо облечь облака.

Но для всех эта Пасха еще не наступила. И личный путь на Голгофу не закончен для многих. Крест и воскресение для них впереди. Печь искушений им еще предстоит. И тот, кто свернет "покрывив душой" с Пути Истинной Жизни (Ин. 14, 6) так и останется недопеченным полуфабрикатом не исполнившим своего предназначения. А тот, кто твердо ступил на этот путь, не боится, Суд для него не станет Страшным. Он идет туда, где его ждут.

Но все впереди - а пока еще рано,
И сердце в груди не нашло свою рану,
Чтоб в исповеди быть с любовью на равных,
И дар русской речи сберечь.
Так значит жить и ловить это Слово упрямо,
Душой не кривить перед каждою ямой,
И гнать себя дальше - все прямо, да прямо,
Да прямо - в великую печь!
Да что тебе стужа - гони свою душу
Туда, где все окна не внутрь, а наружу,
Пусть время пройдет метлою по телу -
Посмотрим, чего в рукава налетело,
Чего только не нанесло!
Да не спрячешь души беспокойное шило.
Так ты живи - не тужи, да тяни свою жилу,
Туда где пирог - только с жару и с пылу,
Где каждому, каждому станет светло...
Туда, где каждый будет преображен Божественным
Нетварным Фаворским Светом.

Творческая жизнь Башлачева, выраженная в его поэзии, алым цветом цветет из раны в сердце, жизнь его "как истина в черновике", изливающаяся из рук сеятеля ручьями "хлеба с болью". Можно ли назвать Башлачева "пророком" или "проповедником" Христа я судить не

берусь. Он был Поэтом (с большой буквы). Поэт значит - творец (ποίηω - греч. творю), а эта творческая способность заложена Творцом в "образе Божиим" в человеке. И в этом плане он шел по пути Богопознания, он "шел по воде" (Перекур). И здесь не важно как он шел, а важно что он нес, и что сумел донести.

Поэта можно сравнить с сеятелем, который сеет слова в нашем сердце, семена истины. Эти семена не принадлежат ему, это Божий дар.

"Тот, кто рубит сам дорогу,
Не кузнец не плотник ты,
А все одно - поэт,
Тот, кто любит - да не к сроку,
Тот, кто исповедует, да сам того не ведает."
(Сядем рядом, сядем ближе).

"Как из золота зерна каждый брал на каравай
Все будет хорошо
Велика казна
Ты только не зевай, бери да раздавай."
(Все будет хорошо).

Нить, как волос.
Жить, как колос.
Размолотит колос в дух и прах один цепной удар.
Да я все знаю. Дай мне голос.
И я любой удар приму, как Твой великий дар.
(Сядем рядом, сядем ближе).

Но я в ударе. Жмут ладони.
Все хлопочут бедные...
Да где ж им удержать зерно в горстях.
(Сядем рядом, сядем ближе).

Я не стану делать каких-то окончательных суждений. Мне Страшно Судить поэта. "Поэты живут и должны оставаться живыми" (На жизнь поэтов). Живут в своем творчестве в наших сердцах, и их окончательный Суд скажет то Слово, которому они служили и не отреклись в своем слове. Они будут судиться по плодам, которые принесет их семя в наших сердцах. Вспомним В.С. Высоцкого:

"Я до рвоты ребята за вас хлопочу
Может кто-то когда-то поставит свечу
За натянутый нерв на котором кричу
И за грубый манер на котором шучу."

В этом плане Ф.М. Достоевский точно заметил, что мы все за друг друга ответственны. Мы все друг за друга дадим ответ.

Имя Имен
Да не отмоешься, если вся кровь как с гуся беда
и разбито корыто.

Вместо икон
станут Страшным судом - по себе - нас судить зеркала.
Имя Имен
вырвет с корнем все то, что до срока зарыто.

В сито времен
бросит быть да былинку, чтоб истиной
к сроку взошла.
(Имя Имен).

Именно поэтому, и особенно Башлачева, нужно не только слушать, но и слышать.

"Так слушай как же нам всем не стыдно
Эй! ап! - спасите ваши души.
Знаешь, стыдно когда не видно,
Что услышал ты, все что слушал."
(В чистом поле - дожди).

"И кто-то читал про себя, а считал что про дядю.
Кто-то устал, поделив свой удел на семь дел
Кто-то хотел видеть все, только сбоку не глядя,
А кто-то глядел, да похоже глаза не надел".
(Перекур).

Их слова нужно слышать потому, что даже написанные во Имя Имен, они писались именно для нас, и только в нас они имеют свою ценность и для самого Башлачева. Они станут не нужны, когда полностью отработают, исполнят свою миссию.

"Как ветра осенние уносят мое семя
Листья воскресенья да с весточки-весны
Я хочу дожить, хочу увидеть время
Когда эти песни станут не нужны
Эх я не доживу, но я увижу время
Когда эти песни станут не нужны...
(Как ветра осенние).

Пасхальной надеждой веет в этих словах. Вечной жизнью живут эти слова, потому что они живут жизнью поэта, и поэт продолжает в них жить. В этой жизни их строка коротка.

"Поэты в миру после строк ставят знак кровотечения".
(На жизнь поэтов).

"Пойми - ты простишь,
Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума,
Побегу по бумаге я
Этот путь длиною в строку - да строка коротка.
.....
И мне пора,
Мне пора уходить следом песни, которой ты веришь...
Увидимся утром -
Тогда ты поймешь все сама."
(Когда мы вдвоем)

"И в доброй вести не престало врать.
Мой крест - знак действия, чтоб голову сложить
За то, что рано умирать,
За то, что очень славно жить,
За то, что рано умирать,
За то, что очень нужно жить.
(Когда мы вместе)

*Воспитанник Белгородской духовной семинарии Алексей
Секов*

2000 г.

Наверх